

ТРИ СТУДЕНЧЕСКИХЪ СЪЪЗДА.

Въ теченіи мая с. г. одинъ за другимъ имѣли мѣсто три студенческихъ религіозныхъ съѣзда. Одинъ — для православныхъ студентовъ Балканскихъ странъ; другой для молодежи юго-восточныхъ народовъ Европы; третій — для русскихъ студентовъ въ Германіи. Два первыхъ съѣзда имѣли мѣсто въ Болгаріи (въ горномъ мѣстечкѣ Баня Костенецъ, въ трехъ часахъ отъ Софіи); послѣдній — въ деревнѣ Кенитштейнъ — около Дрездена. Балканскій съѣздъ явился первой попыткой объединить на религіозной почвѣ молодежь православныхъ народовъ бл. Востока, пребывающихъ въ состояніи непрекращающейся политической борьбы и національной ненависти. Опытъ удался, ибо собравшіеся вмѣстѣ болгарскіе, сербскіе, греческіе, румынскіе и русскіе студенты, совершенно забыли о политикѣ и ясно осознали свое исконое единство въ Православіи. Это выявленіе возможности религіознаго общенія и церковнаго единства на Востокѣ должно имѣть огромное значеніе для туземной молодежи, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ зараженной атеистическими и позитивистическими предразсудками и національнымъ шовинизмомъ. Православіе явилось здѣсь не въ официалномъ обличьи государственной Церкви или формы народнаго быта, но какъ живая Истина, захватывающая безъ различія всѣ классы, возрасты, специальности..... какъ родная вѣра свободно исповѣдуемая интеллигентною молодежью, какъ жизнь, разрѣшающая всѣ вопросы и сомнѣнія современности. Значеніе самостоятельной церковной работы молодежи было учтено тѣми іерархами, которые благословили и привѣтство-

вали этотъ съѣздъ, какъ особыми грамотами, такъ и личными представителями. Въ числѣ ихъ оказались митрополитъ Евлогій, и митрополитъ Антоній (Россія), патріархъ Миронъ (Румынія), архіепископъ Николай Охридскій (Сербія), архіепископъ Хрисостомъ Афинскій. Всѣ богослуженія были совершаемы въ сослуженіи представителей разныхъ церквей, и это единство молитвеннаго чина при различіи языка и нѣкоторыхъ обрядовъ — явилось прекраснымъ внѣшнимъ выраженіемъ того единства Православія, которое оставляетъ каждому народу все своеобразие его быта и жизни, объединяя его съ другими въ высшихъ областяхъ духа — въ молитвѣ и богослуженіи. Однако преодоленіе политической розни и національнаго разпорѣчія было только аккомпанирующимъ моментомъ той основной работы, которую пришлось выполнить этому кратковременному и сравнительно малолюдному съѣзду (3 дня; 40 человекъ). Его задачами явились три вопроса, которые получили частью теоретическое освѣщеніе, отчасти же разрѣшены практически. Студенческое религіозное Движеніе существуетъ во всѣхъ этихъ странахъ уже нѣсколько лѣтъ; однако церковный его характеръ не является въ достаточной мѣрѣ яснымъ и определеннымъ. Только русское движеніе съ самаго начала своего возникновенія за рубежомъ приняло определенное православно-церковное направленіе. Другія же движенія разрѣшаютъ этотъ вопросъ или въ порядкѣ повседневной жизни, или же не ставятъ его совсѣмъ, вслѣдствіе чего возможны какъ нынѣшнія недоразумѣнія, такъ и реальные ложные и опасные шаги.

Поэтому первымъ вопросомъ православнаго студенческаго сѣзда явилась «моральная отвѣтственность студенческихъ христіанскихъ движеній передъ Православною Церковью» (докладъ проф. В. В. Зѣньковскаго, который былъ предсѣдателемъ сѣзда) и связанная съ этимъ проблема «внутренней организаци Движенія» съ точки зрѣнія Православной Церкви (докладъ русскаго студента А. Н. Терещкевича). Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что всѣ Движенія не только считаютъ себя православными въ своей внутренней жизни, но являются вѣроисповѣдными группами и для внѣшняго міра. Послѣднее имѣетъ большое значеніе въ той живой связи, которая соединяетъ отдѣльныя Движенія съ Всемирнымъ Христіанскимъ Студенческимъ Союзомъ. Второй вопросъ естественно вытекаетъ изъ перваго: ибо группы, признающія себя православными, должны какъ то быть связанными другъ съ другомъ. Проблема эта (намѣченная въ докладахъ руководителя кружковъ А. И. Никитина — «Православная Церковь и международное сотрудничество въ Движеніяхъ» и болгарскаго студента Г. С. Литвинова — «Сотрудничество между студ. христ. Движеніями Балканскихъ странъ») получила однако не вѣроисповѣдное, но территориальное разрѣшеніе. Подобное сотрудничество признано всѣми плодотворнымъ и необходимымъ — и это можетъ въ будущемъ имѣть огромное значеніе для преодоленія націонализма и повинизма, столь сильныхъ на Балканахъ; но «комитетъ», учрежденный для этой цѣли, состоитъ изъ представителей только Балканскихъ странъ — и если руссія и вошла въ этотъ комитетъ, то не по праву, но по приглашенію — частью обращенному къ русскому Движенію, сыгравшему роль фермента во всемъ этомъ дѣлѣ, частью — лично къ А. И. Никитину, которому принадлежитъ какъ самая идея Балканскаго сѣзда, такъ и заслуга практическаго его осуществленія. Наконецъ, третьимъ вопросомъ явилось отношеніе православнаго студенчества къ западному. Этотъ вопросъ былъ религіозно освѣщенъ докладомъ д-ра Г. Г. Кульмана (см. его докладъ въ этомъ №); практически его рѣшеніе выражается въ той трогательной заботливости и помощи, которую оказываютъ молодымъ Движеніямъ, какъ Всемирный Христ. Студенческій Союзъ, такъ и Христіанскій Союзъ Молодыхъ Людей — и въ тѣхъ чувствахъ признательности и единенія, ко-

торыми отвѣчаютъ на эту помощь православныя Движенія. Балканскій сѣздъ, обнаружившій полную жизненность и плодотворность идеи церковнаго сотрудничества разныхъ странъ, явился первымъ камнемъ будущей постройки. Подобные сѣзды рѣшено устраивать каждый годъ; но они, конечно, должны быть только толчками для сильнѣйшаго сближенія, углубленіе и расширеніе коего можетъ имѣть большое значеніе, какъ для церковной, такъ и для общественной жизни этихъ странъ.

Вслѣдъ за Балканскимъ сѣздомъ въ томъ же Костенцѣ состоялся «IV сѣздъ христіанскаго студенчества народовъ юго-восточной Европы». Къ присутствующимъ націямъ присоединились австрійцы, поляки, венгерцы и чехи. Сѣздъ былъ значительно болѣе многочисленнымъ (70 человекъ) и длился недѣлю. Въ отличіе отъ Балканскаго сѣзда передъ нимъ не стояло никакихъ специальныхъ проблемъ и цѣлей, кромѣ взаимнаго сближенія, пониманія и обменъ опыта. Поэтому темы его работы были посвящены различнымъ вопросамъ современной жизни, обсуждавшимся въ свѣтѣ христіанства и изученію отдѣльныхъ текстовъ Евангелія. Сообразно этому работа сѣзда была разбита на общіе доклады и пренія по нимъ и на частныя «библейскія» группы. Кромѣ того, имѣлось еще три группы, посвященныя вопросамъ жизни самихъ студенческихъ Движеній. Эти послѣднія имѣли по 3 собранія и обсуждали пути и способы расширенія студенческой религіозной работы, углубленія ея содержанія и внутренняго строя студенческихъ кружковъ. Лекторами на общихъ собраніяхъ были проф. С. Л. Франкъ, читавшій о «Соціальной проблемѣ и Христіанствѣ», д-ръ Г. Г. Кульманъ (Національный вопросъ и Христіанство) и чешскій профессоръ І. І. Громадка («О внутренней жизни»). Евангельскими группами руководили: о. Л. Н. Липеровскій (Восресеніе плоти), проф. Громадка (Внутренняя жизнь) и д-ръ Г. Г. Кульманъ (I посланіе къ Коринфянамъ). Вечера были посвящены какъ всегда информационнымъ докладамъ. Конечно работа сѣзда не ограничилась собраніями, засѣданіями и докладами. Послѣдніе были, правда, значительны и содержательны. Но важнѣе ихъ можетъ быть было то сближеніе молодежи, которое имѣло мѣсто въ весьма продолжительныхъ перерывахъ и тѣ частныхъ бесѣды, которыя вызывались какъ совместно проработаннымъ матеріаломъ, такъ

и общими интересами жизни и работы. Происходила живая духовная встрѣча самыхъ различныхъ людей — и въ этой встрѣчѣ обнаруживалось то общее возрождение Христіанскихъ идей, которое происходитъ сейчасъ во всѣхъ странахъ и мало по малу захватываетъ учащуюся молодежь всѣхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи Студенческое Христіанское Движеніе можетъ быть названо и знаменіемъ времени. Ибо совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга повсюду вырастаютъ аналогичныя организаціи, сознающія общность своего дѣла и то единство цѣли, которое связываетъ ихъ, несмотря на все ихъ различіе. Въ послѣднемъ вопросѣ Костенецкій съѣздъ далъ можетъ быть нѣчто новое. Ибо до сихъ поръ «интерконфессиональный характеръ» работы Движенія понимался въ томъ смыслѣ, что всѣ участники безъ различія вѣроисповѣданія, должны были держаться въ «обще-христіанскихъ», т. е. евангельскихъ рамкахъ; вслѣдствіе этого съѣзды носили ярко выраженный протестантскій характеръ и активная работа на нихъ вѣроисповѣднхъ группъ явно носила въ ихъ программу дисгармонію, являлась какъ бы нѣкимъ «общественнымъ скандаломъ». Однако, какъ показала жизнь — такой характеръ «интерконфессиональности» являлся скорѣе вопросомъ факта чѣмъ идеологіи. И на данномъ съѣздѣ православная группа не только не чувствовала себя ограниченной или стѣсненной, но наоборотъ, опасалась какъ бы не совершить насилія надъ религіозными чувствами присутствовавшихъ протестантовъ. При этомъ вопросъ шелъ совсѣмъ не о большинствѣ. Измѣнилась сама ткань съѣзда. «Интерконфессионализмъ» былъ замѣненъ «междуцерковнымъ» характеромъ работы. Не было ни полемики, ни споровъ. Каждый могъ выявлять свою вѣру, свой образъ мыслей — это разворачиваніе церковныхъ истинъ, личныхъ убѣжденій и духовныхъ тенденцій было исполнено не только глубокаго интереса, но и большой поучительности. Особенно интересна была встрѣча представителей Бартіанства*) съ православной мыслью. Однако бесѣды эти не имѣли характера діалога православныхъ съ протестантами, ибо на этомъ съѣздѣ присутствовали и католики (австрийцы и поляки). Правда,

*) К. Бартъ — видный представитель эсхатологическаго теченія въ современномъ протестантизмѣ.

количество ихъ было незначительно, голосъ ихъ звучалъ скромно, но силы и убѣжденности они вносили много. Интересно также было то взаимное пониманіе и близость, которыя ощущали представители Православія и Католицизма — предъ лицомъ протестантскаго міра. Глубокія различія ихъ духовнаго строя и догматическаго мышленія отступили передъ чувствомъ церковности и литургичности, которое явилось для нихъ общей почвой, одинаковой основой вѣры; однако сближеніе это отнюдь не было внутреннимъ компромиссомъ: въ бесѣдахъ между собой они не боялись касаться и различій; но мысль о томъ, что ихъ соединяетъ была сильнѣе — и ясно сознаваемая различія не переносились въ область психологіи и не вызывали чувства вражды. Всѣ эти внутреннія отношенія естественно получили и свое внѣшнее религіозное выраженіе. Ибо православная группа не могла удовлетвориться общей молитвою и устроила въ одной изъ комнатъ свою часовню, гдѣ присутствовавшій на съѣздѣ румынскій священникъ каждое утро и вечеръ совершалъ молитву, на которую однако приходили не только православные, но и католики и протестанты. Эта молитва въ теченіе недѣли привлекала все больше и больше посѣтителей, и въ концѣ съѣзда маленькая комната часовни уже не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ молиться вмѣстѣ съ православными. Большинство молодежи уѣхало со съѣзда съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Живое общеніе съ другимъ человѣкомъ всегда дѣйствуетъ на душу оплодотворяюще; но здѣсь — это чувствовалось особенно сильно: Западная молодежь все болѣе внимательно относится и ближе понимаетъ красоту православія; православные же студенты — при встрѣчѣ съ европейцами научаются понимать, лучше понимать, какой драгоцѣнностью они обладаютъ въ своей родной вѣрѣ... Можно сказать, что въ этомъ смыслѣ первый Балканскій съѣздъ получилъ свое осуществленіе на второмъ — общемъ; то единство православныхъ Движеній, которое составляло предметъ обсуждения и надежды первыхъ трехъ дней — въ теченіи послѣдующей недѣли было ощущаемо какъ фактъ, какъ реальность — и что важнѣе всего — это единство исходило изъ глубины положительныхъ проявленій вѣры, а не изъ полемическихъ мотивовъ «единства фронта»...

Дрезденскій съѣздъ, продолжавшійся всего три дня и собравшій около 40

русскихъ студентовъ изъ Дрездена, Берлина, Фрейберга и Ганновера — носилъ совсѣмъ иной характеръ. Дрезденскій кружокъ — «кружокъ изученія русской духовной культуры» — только подходитъ къ религіознымъ проблемамъ — и притомъ въ формѣ пониманія и изученія, а не конкретнаго переживанія. Поэтому кружку чужда вся та церковно-активная сторона, которая отличаетъ русскіе съѣзды. И Дрезденскій съѣздъ былъ сообразно этому не молитвеннымъ, не литургическимъ, не говѣльнымъ — но религіозно-философскимъ. Последняя сторона была очень обильна и значительна. Въ съѣздѣ участвовали: Н. А. Бердяевъ, прочитавшій доклады апологетическаго характера на темы «Наука о религіи и христіанство» и «Вѣра и Церковь», С. Л. Франкъ, прочитавшій докладъ о взаимоотношеніи внутренней жизни христіанина и его общественной работы; В. В. Зѣньковскій, съ огромной силой раскрывшій передъ молодой аудиторіей сущность духовнаго дѣланія и аскетическаго пути. Эти доклады вызвали живой обмѣнъ мыслей и большія пренія. Студенты, присутствовашіе на съѣздѣ, принадлежали къ самымъ раз-

нообразнымъ міровоззрѣніямъ и точкамъ зрѣнія. Поэтому ожидать или добиваться единства взглядовъ было нецѣлесообразно и немыслимо; въ этомъ отношеніи задачей съѣзда было скорѣе напитать аудиторію, сообщить ей возможно яснѣе и больше свѣдѣній о сущности христіанства. Но въ результатѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ бесѣдъ само собой создалось единство настроенія, которое было особенно сильно почувствовано въ послѣдній день, когда весь составъ съѣзда присутствовалъ на литургіи въ Дрезденской церкви и затѣмъ окончилъ свою работу за дружеской трапезой, на которой и были подведены итоги работы.

Дрезденскій съѣздъ много способствовалъ развитію студенческой работы въ Германіи и крѣпко связалъ студентовъ Дрездена съ русскимъ Движеніемъ, которое съ радостью слѣдитъ за образованіемъ новыхъ кружковъ и стремится объединять и связывать ихъ въ единое цѣлое для ихъ взаимнаго духовнаго обогащенія и совмѣстнаго служенія роднымъ Святаямъ.

Л. Зандеръ.